

ЗА РОДИНУ

№ 34 (434)

Вторник, 15 февраля 1944 г.

Цена 50 коп.

Русская ежедневная газета. Главный редактор Анатолий Степоров. Редакция во Пскове и Риге. Адрес: Рига, улица Рихарда Вагнера 57. Из освобожденных областей следует писать в газету через Центральную русскую почту: Feldpost Nr. 39609 Ru (Z. R. P.) «За Родину». Деньги за подписку — 16 руб. в месяц (с доставкой по почте) и деньги за объявление (плата за стандартное объявление 30 руб.) переводить почтовым денежным переводом по адресу: Postscheckamt Riga, Konto 337 («Sa Rodinu»)

Признаки гниения

Установлено, что когда большевики зовут вперед, — следует внимательно оглядываться назад; если с особой настойчивостью что-нибудь пропагандируют, рекламируют или утверждают, то это вынуждается обстоятельствами прямо-противоположными тому, что они пропагандируют, рекламируют или утверждают.

Большевики возвеличивают ничтожество, окружают ореолом революционного благодеяния натуральную мерзость и провал изображают победой.

Самое беспардонное принуждение они объявляют добровольческим движением, затаенное недовольство превращают в крикливое изъявление благодарственных чувств, массовые притеснения и репрессии сопровождают восторженным восхвалением райской жизни.

Все это тщательно продумано и взвешено; все это отличает коммунистическую партию как самую демагогическую из всех когда-либо существовавших; все это принято называть «лживой большевизской пропагандой». Но это заблуждение, конечно; это — вообще не пропаганда, а идеологический террор, дополняющий террор физический, и лишь маскирующийся пропагандными формами. Ведь пропаганда — тактовая, стремится убедить, лживая — обмануть, но какой уж тут обман, если людей заставляют объясняться в любви своим палачам?

Психологический террор большевиков бывает двоякого рода. Они прибегают к нему не только при наступлении, но и при отступлении своем. Вынужденные к компромиссам, большевики совершают их под знаком революционных достижений; чтобы те, ради кого компромиссы совершаются, не вздумали бы воспользоваться ими для сознательного давления на большевиков и борьбы с ними.

И сейчас, идя на поводу широко задуманного немецкого маневра и провозгласив положение на фронте «уничтожением германской армии» и «неудержимым наступлением Красной армии», большевики вынуждены к тяжелой и глубокому отступлению в своем идеологическом тылу.

Формальная ликвидация комиссарского института в армии; восстановление офицерских чинов, знаний и погон, а также религии; утверждение национальных орденов Суворова, Кутузова и других; роспуск коминтерна и замена пресловутого «Интернационала» национальным гимном и многое другое, являются ничем другим, как последовательными этапами на пути глубокого идейного отступления большевиков.

Последний такой этап обращает на себя особое внимание. Речь идет о государственной, чуть ли не конституционной реорганизации СССР. По новому положению, разукрупненному большевиками как очередное революционное достижение, — отныне каждая республика, входящая в Союз получает права национально-представительской и военной самостоятельности.

Может показаться странным на первый взгляд, что именно сейчас, когда из разных источников, от различных нейтральных свидетелей, мы получаем сведения о все возрастающем недовольстве национальных меньшинств в СССР и každолженно усиливающимся антисоветском движении в национальных республиках, именно в этот момент почему-то, большевики расщедрились и подарили «нациям» государственные привилегии, о которых те прежде и мечтать не смели.

Можно ли это рассматривать как уступку, как компромисс, как отступление большевизма? Безусловно, но только в идеологическом отношении. В остальном же, этот жест является обычной большевизской ширмой, долженствующей прикрыть фактическое бесправие населения и жесточайший террор. Как психологический, так и физический.

Он усиливается в СССР тем больше, чем дальше отступают больше-

ОЖИВЛЕННЫЕ БОИ В ИТАЛИИ

Продолжается ликвидация десанта у Неттуно

Главная Ставка Фюрера 12 февраля. Верховное Командование германских вооруженных сил сообщает:

Бои на восточном фронте, по сравнению с прошедшими днями носят сейчас менее упорный характер. Крупные боевые операции проводились вчера лишь на отдельных участках фронта Юго-восточнее Кривого Рога, в районе Черкасс и восточнее Жашкова германские войска в тяжелых боях добились значительных успехов. Восточнее Жашкова уничтожены 52 танка противника.

У Витебска, а также между Ильменским озером и Финским заливом в упорных боях, часто переходивших в рукопашные, отбиты новые попытки противника прорвать линию германской обороны. В районе между Лугой и Чудским озером, в результате местного контрнаступления, предпринятого германскими войсками, противник отброшен далеко назад. Бои на этом участке еще продолжаются.

На итальянском фронте, в районе десантного плацдарма у Неттуно огнем германской артиллерии отбиты сильные, поддерживаемые танками, атаки противника, снова пытавшегося прорвать германские позиции у Априлии. Уничтожено 17 англо-американских танков. Особенно тяжелые потери англо-американцы понесли от фланкирующего огня германских пулеметов. Дальнейшие германские батареи очень метко обстреливали скопления судов в порту Неттуно, а также расположенный в районе десантного плацдарма аэродром.

Северо-восточнее Кастельпорта, в результате удачных операций, сильно скажто вклинение противника и взята штурмом важная в стратегическом отношении возвышенность.

Северо-западнее Кассино весь день продолжались упорные бои. Многочислен-

ные тяжелые атаки американских войск отбиты в ожесточенных боях.

Около полудня 11 февраля, находившиеся под сильной охраной истребителей соединения северо-американских бомбардировщиков вторглись в западную Германию и снова произвели террористическое нападение на ряд населенных пунктов. От беспорядочно сброшенных бомб особенно пострадали жилые кварталы городов Франкфурт на Майне и Людвигсгафен. Среди населения имеются жертвы. Германская противовоздушная оборона снова помешала противнику провести налет концентрированно и сбита, по неокончательным данным, 26 самолетов противника.

Прошлой ночью единичные самолеты противника вторглись в области западной и северо-западной Германии.

Скоростные самолеты германской авиации прошедшей ночью подвергли нападению намеченные цели в юго-восточной Англии.

Потоплено нефтеналивное судно

Берлин, 14 февраля.

Германские разведчики дальнего радиуса действия обнаружили у берегов Исландии неприятельское нефтеналивное судно. К этому месту немедленно направились три германских самолета, забросавшие пароход бомбами с высоты в три тысячи метров. Летчики отлично видели, как несколько бомб упало прямо на пароход, загоревшийся и затонувший через десять минут.

Рассказ сочувствующего большевикам

Показания военнопленного полковника Гортанова

Полковник Гортанов попал в плен 7 октября 1943 года в районе Кожанки. Его показания интересны тем, что, оставаясь определенно направленными в пользу большевиков, они все же, так или иначе, рисуют подлинное положение вещей по ту сторону фронта.

На вопрос, разрешено ли солдатам общаться с населением оставленных немцами областей, полковник сообщил:

«Приняты строгие меры для устранения неблагоприятного влияния на солдат со стороны населения. Несмотря на это, постепенно становится известным, что жизнь в освобожденных областях без большевиков не так уж плоха».

В течение дальнейшего допроса полковнику были показаны найденные в штабе 237 стрел. дивизии записи показаний русского унтер-офицера Логозина Петра Степановича, бежавшего из германского плена. На

показаниях была сделана пометка: «унтер-офицер Л. должен присоединиться к транспорту 237».

Полковник по этому поводу дал разъяснение:

«Нас, попавших в плен, постиг очень печальный жребий, т. к. при существующих обстоятельствах нам путь на Родину закрыт. Это нельзя всецело приписать тому, что Сталин рассматривает факт нашего плена как нарушение долга. Конечно, это играет тоже известную роль, но главным образом нежелательно, чтобы военнопленные рассказывали своим родным и друзьям, что жизнь за границей совершенно иная, чем нам рассказывали годами. Естественно, что прежде всего военнопленный будет рассказывать о своих тяжелых переживаниях, но эти переживания постепенно забудутся и вместо них на первый план выступят другие впечатления. Это бы-

Десантный плацдарм англо-американцев у Неттуно (в Италии) находится под непрерывным огнем немецких батарей. На снимке — германские артиллеристы на итальянском фронте во время боя.

Смелая тактика немцев

Плутонкраты о положении в Италии

Стокгольм, 13 февраля

«Кто должен принести больше жертв в этой войне; Англия или США?» — под таким заголовком напечатала статью нью-йоркская газета «Дейли-Ньюс».

Газета, анализируя все военные операции, произведенные в последнее полугодие, приходит к выводу, что английское командование стремится на опасные места посылать американ-

цев. Газета утверждает, что Америка мало заинтересована в том, какой оборот примет события в Европе и что эти события касаются, главным образом, Англии.

Английские же газеты, в свою очередь, уже в течение нескольких недель подряд пишут о том, что американцы, по сути дела, не участвуют в войне, а занимаются лишь торговлей военными материалами.

Так, например, журналы «Ревю» и «Экономист» в резком тоне обвиняют в бесталанном руководстве американского генерала Эйзенгауэра и его штаб.

Пока идет эта грызня между двумя союзниками, солдаты той или другой армии все больше убеждаются, что противник, с которым им приходится воевать, не показывает никаких признаков ослабления сил и разложения, о котором так настойчиво кричала вся англо-американская пропаганда.

В последние дни на итальянском фронте, говорят англо-американские солдаты, огонь германского оружия стал настолько сильным, что буквально нельзя высунуть головы.

Жители Рима наблюдают ежедневно колонны пленных англо-американских солдат, которые не в силах скрыть своей радости, что им удалось вырваться живыми из-под этого адского огня.

Даже официальные английские военные обозреватели не скрывают своего раздражения создавшимся положением. Полковник Братт, например, пишет, что германский фельдмаршал Кессельринг применил значительно более смелую тактику, чем этого ждали англичане. В положении Кессельринга никто не мог бы отгадать на такую тактику, не имея полной уверенности в боевой доблести собственных войск.

Торжества в Японии

Токио, 13 февраля.

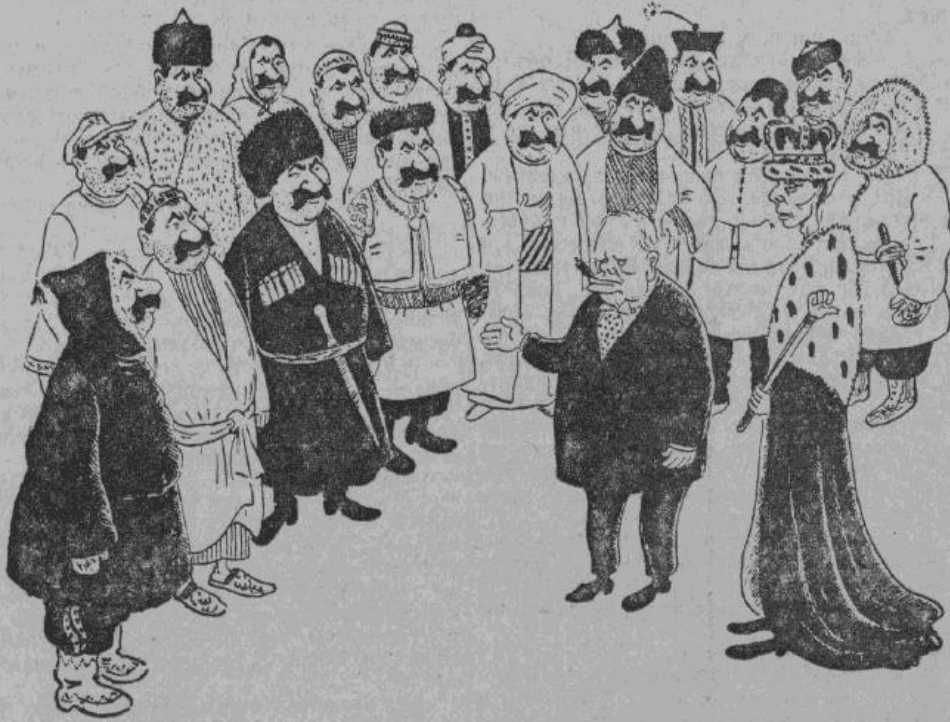
Вся Япония торжественно отметила 2.604 годовщину основания Империи. Города разукрашены флагами. Японский император со всем семейством принял участие в торжественном богослужении.

Вся японская печать посвящает свои страницы истории Японской Империи. Газеты подчеркивают, что за время своего существования Япония не спровоцировала ни одного военного конфликта. Величайший кризис в истории страны произошел между 1272 и 1281 годом, когда Японии угрожал нашествие монголов. Благодаря величайшей силе воли и единству всего народа, японцам удалось разбить врага. В нынешней войне Япония также справится со своими противниками, угрожающими ее свободе и жизненным основам.

Обвал в горах

Берн, 14 февраля.

В горах Швейцарии с горных вершин покатила снежная лавина. Горный обвал похоронил под собой нескольких лесорубов. Ведутся спасательные работы, однако, на спасение жизни рабочих надежды мало.

Черчилль: — Позвольте Вам представить Ваше величество, совершенно новых представителей совершенно самостоятельных республик Советского Союза!

вики на идеологическом фронте, а это означает, во-первых, совершенную неискренность внешнего «перерождения» волчьей стаи и, во-вторых, животный страх ее перед последними затягивающейся истребительной, опустошительной и голодной войной.

Страх перед очевидностью начавшегося разложения большевизмской государственной системы, наилучшим выражением которого и являются последние «реформы», одна из углов делепе и неожиданной.

А. С.

Обстрел Нью-Йорка

Стокгольм, 13 февраля. С парохода, мирно стоявшего в Нью-Йоркском порту в течение нескольких дней, неожиданно началась стрельба по городу из двадцатимиллиметровой скорострельной зенитной пушки. По городу было выпущено 56 гранат, из которых, однако, разорвалось только три. Ущерб невелик, зато паника была огромна. Население, давая друг друга, бросилось в укрытия, в порт двинулись войска и танки. Оказалось, что стрельба велась с английского парохода, один из матросов которого, повидимому, сильно выпив, решил немного развлечься.

Буйные избиратели

Мадрид, 11 февраля. В южно-американской республике Костарике, в городе Сан-Хозе, на предвыборном собрании разволновавшиеся избиратели, не убедив друг друга словесными аргументами, взяли за револьверы. Произошла буйная перестрелка, во время которой убито шесть избирателей и много ранено. Правительство Костарики с своей стороны, тоже взялось за оружие и приняло ряд экстренных мер. Запрещено давать какие-либо сведения политического характера за границу. Правительство ввело строжайшую цензуру и воспретило даже вывоз газет за пределы страны. Выборы пройдут в будущее воскресенье. Избиратели закупают патроны.

Разведывательные самолеты на дальнем севере

Недавно германские подводные лодки снова произвели удачное нападение на большой караван судов противника, направлявшийся с южной стороны из Англии в Советский Союз с важным военным грузом. В крайне тяжелых условиях боя были потоплены 10 эсминцев и ряд судов, общим водоизмещением в 32.000 брт.

Большой четырехмоторный разведывательный самолет «Людвиг» медленно парит над холодными волнами Ледовитого океана. Долгими часами члены экипажа наблюдают широкие просторы моря. Вдруг второй телеграфист, наклонившись к уху командира, громко восклицает: «Тени с правой стороны!» Так был обнаружен караван судов, направлявшихся из Англии в Мурманск с важными военными грузами для Советского Союза.

Роль авиации в борьбе с караванами судов противника чрезвычайно велика. Во время разведывательных полетов над Северным морем и Ледовитым океаном самолеты находятся в воздухе от восьми до двенадцати часов. Бесконечными кажутся эти часы борьбы над неприветливыми просторами полярных морей с ветром, бурей, облачностью и непогодой.

Самолет «Людвиг» во время своего

полета тоже принужден был выдерживать борьбу с обрушившимися на него северо-западными ветрами и прирешенной ими тяжелой облачностью. Лететь приходилось против ветра, а это означает потерю времени. Тучи таят в себе огромную опасность для самолета, так как попадая в полосу облачности над Ледовитым океаном весь корпус самолета покрывается ледяной корой, в результате чего самолет может погибнуть. Однако, все шесть членов экипажа «Людвиг» хладнокровно и сосредоточенно сидели на своих местах. Они ежедневно вступали в эту борьбу с природой и борьба эта стала привычной.

Восклицание второго телеграфиста взволновало весь экипаж самолета «Людвиг», как раз в тот момент, когда самолет уже собирался возвращаться на аэродром. Совершенно случайно, сквозь разрыв в тучах телеграфисту удалось заметить в тумане неясные тени. Все стали с интересом наблюдать за ними. Это были транспортные суда противника. Командир самолета приказал повернуть машину в их сторону и когда «Людвиг» пронесся над дымными трубами транспортов, было установлено,

что караван необычайно велик и находится под сильным конвоем. Были ясно видны тяжело нагруженные пароходы и рыскающие вокруг них сторожевые эсминцы. При плохой видимости их число установить сразу не представлялось возможным. Внизу, над бортами эсминцев, угрожающе замелькали вспышки зенитных орудий. В то время, как пилот напряженно наблюдал огонь противника, телеграфист спешно передавал на базу секретную телеграмму: «Караван неприятельских судов в пятнадцатом квадрате, курс норд-ост». Эта телеграмма послужила началом подготовки к бою.

Когда «Людвиг» снижался на одном из аэродромов в Северной Норвегии, к указанному им квадрату уже направлялись новые разведывательные самолеты, задачей которых теперь являлось не упустить из вида неприятельский караван, сообщать о каждом изменении его курса на базу и дать тем самым возможность подводным лодкам занять удобную для атаки позицию. Только такое тесное взаимодействие авиации с военным флотом дает возможность совершить удачные нападения на караваны неприятельских судов и уничтожить тысячи тонн важнейших военных грузов. И на этот раз германский подводный флот блестяще выполнил поставленную перед ним задачу и, несмотря на бурное море и плохую видимость, уничтожил десять эсминцев и ряд транспортов, общим водоизмещением в 32.000 брт.

Потери американцев

Стокгольм, 13 февраля.

По имеющимся сведениям, в бою с США прибыло с южно-итальянского фронта более ста тысяч раненых. Ясно, что официальные сведения Соединенных Штатов, по которым военные потери людьми составляют около сорока семи тысяч, не соответствуют действительности. В официальных сведениях не учтены раненые, находящиеся в полевых лазаретах, а это число далеко превышает сто тысяч человек. Цифры потерь, сообщаемые американским правительством, умышленно снижены. Теперь это получает полное подтверждение.

Против социального обеспечения

Стокгольм, 12 февраля.

По сообщению из Лондона, появившемуся в шведской газете «Дагенс Нихетер», английское правительство отклонило план Бивериджа об образовании в Англии министерства социального обеспечения.

ВОЗДУШНЫЕ НАЛЕТЫ И НЕРВЫ

Террористические воздушные налеты англо-американцев, вследствие которых война приняла отвратительный облик зверского истребления детей, женщин, стариков, открывает перед нами целый ряд новых вопросов. При этом речь идет не только об узком круге вопросов, связанных с обороной, но и о ряде психологических проблем более общего значения. Так, во время самых тяжелых воздушных налетов нередко можно было наблюдать, что необычайное спокойствие и самообладание проявляли как раз те люди, от которых менее всего можно было этого ожидать. В данном случае, речь идет преимущественно о так называемых «нервных» людях, известных своей раздражительностью, неуравновешенностью, причудливостью, крайним непостоянством и, вместе с тем, своим внешним видом производящих впечатление слабых, нерешительных, мало энергичных и изнеженных людей. Как же можно объяснить, что именно такие, не без основания называемые «нервными» мужчины и женщины, в трагические минуты опасности и страшных переживаний, сверх ожидания, проявляют больше спокойствия, чем люди, которые по самой физической и духовной структуре своей должны были бы оказаться на высоте положения?

Ответ на этот вопрос мы дадим не на основании медицинского опыта, а скорее на основании опыта житейского, который в большинстве случаев

рано или поздно находит подтверждение со стороны врачей. В данном случае мы будем основываться на жизни военного времени. Все чаще и чаще мы узнаем, что во время атаки и наступательных операций «нервы» у солдат крайне напряжены. Большинство из них либо тотчас же преодолевает «нервность», т. е. естественное чувство уверенности или страха, либо не проявляет его вовсе. Солдаты могут это делать, так как благодаря служебной дисциплине и достойному подражанию военному примеру, они научились, взяв себя в руки, как в духовном, так и в физическом отношении, преодолевать тяжелый момент нервного упадка.

Сходное явление наблюдается с нервными людьми во время налетов в бомбоубежищах или при наступлении другой опасности, требующей необычайно крепких нервов. Привыкнув иметь дело со своими «нервами», такие люди хорошо знакомы с этими «бунтовщиками» и поэтому справляются с ними, куда легче, чем совершенно здоровые люди, которые до сих пор ничего не подозревали о «нервах»; последним значительно труднее совладать с нервами, разгулявшимися, может быть, в первый раз. Как у тех, так и у других, не последнюю роль играет здесь чувство, что не следует подавать дурной пример присутствующим.

Из этого можно уже заключить, что

нервность не есть неизлечимый недуг, как это склонны полагать многие в высшей степени нервные люди, уверяющие себя и других, что болезнь их — благоприобретенная, наследственная и т. д., и что против нее вообще не существует лекарств. Конечно, лекарства, в тяжелых случаях приписываемые врачами, не являются в буквальном смысле лечебными, а только успокоительными средствами с весьма кратковременным действием. В сущности говоря, при нервности лечение находится скорее в руках пациента, чем врача. Приведенный нами пример поведения, так называемых, нервных людей в минуту опасности свидетельствует о том, что лучшим целебным средством является сама воля человека, которая в большинстве случаев с полным успехом преодолевает все осложнения с «нервами».

Имеется еще ряд лечебных средств и палиативов, применяемых без врачебной или аптекарской помощи, которые заключаются в выполнении совсем простых и вместе с тем необычайно успешно действующих правил поведения. Для примера возьмем вежливость. Представим себе типично нервного человека: недовольный, неуверенный в самом себе, он большей частью недружелюбен и ворчлив; на это, разумеется, реагирует другой, такой же нервный человек, в результате чего сразу же портится «настроение».

— Откуда он меня знает?
— Послушайте, И. Л., вас же каждая спортивная собака знает. Приблизительно в три раза больше, чем вы этого заслуживаете... Почему в три раза? Вы выступали в спорте и двое ваших братьев: кто там разберет, который из них Солоневич первый и который третий. Кстати, а где ваш средний брат?

Мой средний брат погиб в армии Врангеля, но об этом говорить не следовало. Я сказал, что-то подходящее к данному случаю. Батюшков посмотрел на меня понимающе.

— М-да, немного старых спортсменов уцелело. Вот я думаю, что уцелело, в белых армиях не был, политикой не занимался, а вот сижу... А с Медоваром вы споеетесь, с ним дело можно иметь. Кстати, вот он и шествует.

Медовар, впрочем, не шествовал никогда, он летал. И сейчас, влетев в комнату, он сразу накинулся на меня с вопросами:

— Ну, что у вас с Радецким? Чего Радецкий вызывает? И откуда он вас знает? И что вы, Федор Николаевич, сидите, как ворона на этом паршивом биллиарде, когда работа не есть. Сегодня с меня спрашивают сводки мартовской работы «Динамо», так что я им дам, как выдумаете, что к им дам?

— Ничего я не думаю. Я и без думанья знаю.

Медовар бросил на биллиард свой портфель.

— Ну вот, вы сами видите, И. Л., он даже вида не хочет делать, что работа есть... Послаив, вы понимаете, в Ленинград сводку о нашей февральской работе и даже копии не оставил. И вы думаете, он помнит, что там в этой сводке было? Так теперь, что мы будем писать за март? Нужно же нам рост показать. А какой рост? А из чего мы будем исходить?

головной пьянствует. Если инспекция из центра...
— Я вижу, что вы, Я. С., человек на этом чаете. Я сам «из центра» инспектировал раз двести. Все это ерунда, халоймес.

Медовар посмотрел на меня боком, как курица. Термин «халоймес» на одесском жаргоне обозначает халтуру, взятую, так сказать, в кубе.

— А вы в Одессе жили? — спросил он осторожно.

— Был грех, шесть лет...
— Знаете что, И. Л., давайте говорить прямо, как деловые люди, только чтобы, понимаете, абсолютно между нами и никаких испанцев.

— Ладно, никакие испанцев.
— Вы же понимаете, что мне вам объяснить? Я на такой ответственной работе первый раз, мне нужно класс показать. Это же для меня вопрос карьеры. Да, так что же у вас с Радецким.

Я сообщил о своем разговоре с Радецким.

— Вот это замечательно. Что Якименко вас поддержал с этим делом — это хорошо, но раз Радецкий вас знает, обобщил бы и без Якименки, хотя вы знаете, Гольман очень не хотел вас принимать. Знаете что, давайте работать на пару. У меня, знаете, есть проект, только между нами... Здесь в управлении есть культурно-воспитательный отдел, это же в общем вроде профсоюзного культурпросвета. Теперь каждый культпросвет имеет своего инструктора. Это же неотъемлемая часть культуры, это же свинство, что наш КВО не имеет инструктора, это недооценка политической и воспитательной роли физкультуры. Что, не правду я говорю?

— Конечно, недооценка, — согласился я.

— Вы же понимаете, им нужен работник. И не какой-нибудь, а крупного масштаба, вы пойдете в КВО...
— Ходил — не приняла.
— Не приняла, — обрадовался Медовар. — Ну вот, что к вам говорил. А если бы и приняла, так дали бы вам тридцать рублей жалования, какой вам расчет? Никакого расчета. Знаете, И. Л., мы люди свои, зачем нам дурака валять, я же знаю, что вы по сравнению со мной мирового масштаба специалист. Но вы заключенный, а я член партии. Теперь допустите: что я получаю в месте инструктора физкультуры при КВО, эти бы мне дали пятьсот рублей... Нет, пожалуй, пятисот, сволочин, не дадут; скажут, работа по совместительству с «Динамо»... Ну, триста рублей дадут, триста дадут обязательно. Теперь так: вы писали бы мне всякие там директивы, методические указания, инструкции и все такое, я бы бегал и оформлял все это, а жалование, понимаете, пополам. Вы же понимаете, И. Л., я вовсе не хочу вас грабить, но вам же, как заключенному, за ту же самую работу дали бы копейки. И я тоже не даром буду эти полтора рубля получать, мне тоже нужно будет бежать...
Медовар смотрел на меня с таким видом, словно я подозревал его в эксплуатационных тенденциях. Я смотрел на Медовара, как на благодетеля рода человеческого. Полтора рубля в месяц! Это значит, что в погреб мы пойдем не истонченными, как почти все, кто покушается бежать, у кого сил хватает на пять дней и — потом гибель.

— Знаете что, Яков Самойлович, в моем положении вы могли бы мне предложить не полтора рубля, а пятнадцать рублей, и я бы их взял. А за то что вы предложили мне полтора рубля, да еще и с извинчившимся видом, я вам предлагаю, так сказать, встречный промфинплан.

— Какой промфинплан, — слегка забеспокоился Медовар.

— Попробуйте заключить с ГУЛАГом договор на книгу. Ну, вот, вроде: «Руководство по физкультурной работе в исправительно-трудовых лагерях ОГПУ». Писать буду я. Гонорар — пополам. Идет?

— Идет, — восторженно сказал Медовар. — Вы, я вижу, не даром жили в Одессе. Честное мое слово — это же вовсе великолепно. Мы, я вам говорю, мы таки сделаем себе имя. То есть, конечно, слепо я — зачем вам имя в ГУЛАГе, у вас и без ГУЛАГа имя есть. Пишите план книги и план работы в КВО. Я сейчас побегу в КВО Корзуна облабывать. Или нет, лучше не Корзуна, Корзун по части физкультуры совсем идиот, он же горбатый Нет, я сделаю так — я пойду к Успенскому — это голова. Ну, конечно же, к Успенскому, как я идиот, сразу этого не сообразил? Ну, я вы, конечно, сидите без денег?

Без денег я, к сожалению, сидел уже давно.

— Так я вам завтра аван выпишу. Мы будем платить шестьдесят рублей в месяц. Больше не можем, ей-Богу, больше не можем, мы же за вас еще и лагерю должны 180 рублей платить... Ну, и сразу же что-нибудь напишем. Я вас завтра еще на столовку ИТР устрою».

рективы, методические указания, инструкции и все такое, я бы бегал и оформлял все это, а жалование, понимаете, пополам. Вы же понимаете, И. Л., я вовсе не хочу вас грабить, но вам же, как заключенному, за ту же самую работу дали бы копейки. И я тоже не даром буду эти полтора рубля получать, мне тоже нужно будет бежать...
Медовар смотрел на меня с таким видом, словно я подозревал его в эксплуатационных тенденциях. Я смотрел на Медовара, как на благодетеля рода человеческого. Полтора рубля в месяц! Это значит, что в погреб мы пойдем не истонченными, как почти все, кто покушается бежать, у кого сил хватает на пять дней и — потом гибель.

— Знаете что, Яков Самойлович, в моем положении вы могли бы мне предложить не полтора рубля, а пятнадцать рублей, и я бы их взял. А за то что вы предложили мне полтора рубля, да еще и с извинчившимся видом, я вам предлагаю, так сказать, встречный промфинплан.

— Какой промфинплан, — слегка забеспокоился Медовар.

— Попробуйте заключить с ГУЛАГом договор на книгу. Ну, вот, вроде: «Руководство по физкультурной работе в исправительно-трудовых лагерях ОГПУ». Писать буду я. Гонорар — пополам. Идет?

— Идет, — восторженно сказал Медовар. — Вы, я вижу, не даром жили в Одессе. Честное мое слово — это же вовсе великолепно. Мы, я вам говорю, мы таки сделаем себе имя. То есть, конечно, слепо я — зачем вам имя в ГУЛАГе, у вас и без ГУЛАГа имя есть. Пишите план книги и план работы в КВО. Я сейчас побегу в КВО Корзуна облабывать. Или нет, лучше не Корзуна, Корзун по части физкультуры совсем идиот, он же горбатый Нет, я сделаю так — я пойду к Успенскому — это голова. Ну, конечно же, к Успенскому, как я идиот, сразу этого не сообразил? Ну, я вы, конечно, сидите без денег?

Без денег я, к сожалению, сидел уже давно.

— Так я вам завтра аван выпишу. Мы будем платить шестьдесят рублей в месяц. Больше не можем, ей-Богу, больше не можем, мы же за вас еще и лагерю должны 180 рублей платить... Ну, и сразу же что-нибудь напишем. Я вас завтра еще на столовку ИТР устрою».

Сто тридцать восемь процентов

На днях ТАСС передал по радио, что работники сахарной промышленности Узбекистана в полтора раза повысили процент извлечения сахара из свеклы. Процент — это штука математическая и поэтому быть орудием классовой борьбы может далеко не всегда. Если, например, мы скажем, что в тасовских сообщениях все является сплошной ложью и определим эту ложь в сто процентов, то мы будем ближе к истине, чем если скажем, что в тасовских сообщениях сто тридцать восемь процентов лжи. В последнем случае, мы бы уподобились уже сами ТАССу. Сплошной лжи может быть только сто процентов, даже сам ТАСС не в состоянии повысить этот процент.

Однако, вернемся к свекле. При изготовлении сахара, из свеклы извлекают 92—93 процента сахара. Если же работники сахарной промышленности Узбекистана в полтора раза повысили этот процент при изготовлении сахара, то значит они извлекают уже 138 процентов сахара, содержащегося в свекле. Однажды, некий большевикский оратор бесильный превозмочь вдохновение и темперамент в восторженном порыве закончил свою речь следующими словами: «... мы зажжем революцию во всем мире и в остальных местах...» Где эти остальные места так и осталось невыясненным, но доподлинно известно, что подобные увлечения свойственны лишь тем, кто может также и из свеклы извлекать 138 процентов сахара.

Заведующий бакалеей № 7, некий Аарон Абрамович, тоже умудрился, однажды повысить продажу сахара на 120 процентов. Он продал на двадцать процентов сахара больше, чем получил со склада. Как же это произошло? Если он даже продал весь полученный сахар, так и то должно быть сто процентов. Откуда же еще двадцать?

Аарон Абрамович по секрету рассказал о своем достижении: «У меня в тридцати мешках было во семнадцать центнеров. Но в каждый мешок я подлил по поллитра воды». Таким путем, если примешивать к сахару кроме воды еще всякой дряни, так не только сто двадцать, а и все сто тридцать восемь процентов получить можно. Весь вопрос только, какую дрянью подмешать.

Если почитать этому у ТАСС, то не трудно будет сфабриковать и такой продукт: «Подразделение младшего лейтенанта Д. уничтожило 138 процентов всех шедших против него немецких танков. Число же советских бойцов после этого боя стало на 138 процентов больше прежнего».

Б. Р.-о.

Со всего света

Рим. — Англо-американские террористы совершили сильные воздушные налеты на города Фраскати и Витербо (Италия), а также на ряд дачных местностей. Среди населения много жертв. Убита известная артистка Кавальери.

Женева. — Рузвельту на конференции печати задали вопрос, намерен ли он в четвертый раз баллотироваться в президенты. Рузвельт отделался молчанием.

Берн. — На побережье Канады волнами выброшено два трупа. Оба погибших были матросами неопознанного до сих пор судна, повидимому потопленного германской подводной лодкой.

Амстердам. — Командующий американским тихоокеанским флотом, адмирал Нимитц, заявил, что необходимо как можно скорее отправить в Китай сухопутные войска и авиацию. Он заявил, что Япония невозможно победить с моря.

БЕСПЕЧАЛЬНОЕ ЖИТЬЕ

Весна 1934 года, дружная и жаркая, застала нас с Юрой в совершенно фантастическом положении. Медовар реализовал свой проект: устроился «инспектором физкультуры в КВО и мои 150 рублей выплачивал мне честно. Кроме того, я получаю с «Динамо» еще 60 рублей и давал уроки физкультуры и литературы в техникуме. Уроки эти, впрочем, оплачивались уже по лагерным расценкам: пятьдесят копеек за академический час. Питались мы в столовой ИТР, в которую нас устроила тот же Медовар — при поддержке Радецкого. Медовар дал мне бумажку начальнику отдела снабжения ББК, воу. Неймайеру.

В бумажке было написано: «инструктор физкультуры не может работать, когда голодный». Почему, «когда голодный», может работать лесоруб и землекоп — я, конечно, выяснять не стал. Кроме того, в бумажке была и ссылка: «по распоряжению тов. Радецкого»...

Неймайер встретил меня сияющим: — Мы только что сняли со столовой ИТР сто сорок два человека. Так что же, из-за вас мы будем снимать сто сорок третьего.

И сто сорок четвертого, — настаивательно поправил я, — здесь речь идет о двух человеках.

Неймайер посмотрел на одинаковые фамилии и понял, что вопрос стоит не «5 «ударников», а о протекции.

— Хорошо, я позвоню Радецкому, — несколько мягче сказал он.

В столовую ИТР попасть было труднее, чем на воде — в партию. Но мы попали. Было неприятно то, что эти карточки были отобраны у каких-то инженеров, но мы утешались тем, что это — не надолго, и тем, что этим-то инженерам все равно сидеть, а нам придется бежать, и силы нужны. Впрочем, с Юриной карточкой получался чехуха: для него карточку отобрал у его же непосредственного начальника, директора техникума, инж. Сташевского, и мы решили ее вернуть — конечно, неадекватно, просто из рук в руки, иначе бы Сташевский этой карточкой уже не получил бы, ее перехватили бы по дороге. Но Юрина карточка к тому времени не очень уж была и нужна. Я оклачивался по разным лагерным пунктам, меня там кормили и без карточки, а Юра обедал за меня.

(Продолжение следует)

НА ОСВОБОЖДЕННОЙ ЗЕМЛЕ

РОДСТВЕННИКИ НАХОДЯТ ДРУГ ДРУГА

Псков.

Война разбросала людей в разные стороны. Месяц тому назад рабочий одного псковского городского предприятия К. Алексеев запросил центральную русскую почту о местонахождении своего брата, с которым он разлучился в 1942 году в Гатчине.

Недавно он получил известие, что его брат проживает около Вильно.

В другом случае — крестьянин И. Томасов из деревни Липовая Гора, Волосовского района долгое время тщетно разыскивал свою мать, пока не обратился за справкой в русскую почту, где к радости узнал, что его мать проживает в одном из городов Эстонии.

Так центральная русская почта помогает многим находить своих потерянных родственников.

ОБЯЗАННОСТЬ РОДИТЕЛЕЙ

Двинск

В последнее время замечено, что не все дети аккуратно посещают школу. Помимо пропусков уроков из-за болезни, многие ученики не являются в школу по вине родителей, которые недостаточно следят за поведением и жизнью своих детей.

Таким небрежным отношением к своим воспитательным обязанностям родители нарушают законы о всеобщем образовании. Из беседы с динским городским головой выяснилось, что в ближайшее время по

отношению к виновным в недосмотре за детьми родителями будут предприняты строгие меры взыскания.

ПОМОЩЬ ХЛЕБОМ

Минск.

Окружной Отдел Белорусской Взаимопомощи в Новогорске передал 10.000 кг. зерновых хлебов Центральной белорусской Взаимопомощи в Минске. Это зерно было собрано путем пожертвований в уездах Новогордского округа.

НОВЫЕ СОРТА ЯБЛОНЫ

Ковно

В одном из государственных хозяйств Белоруссии недавно состоялась выставка плодовых насаждений, на которой было представлено 130 опытных сортов яблонь. Эти яблони — результат скрещивания нескольких видов плодовых деревьев, которые особенно годны для посадки в восточных областях и дают плоды, менее боящиеся морозов и способные не портиться при долгом хранении.

ПРИДНЕСТРОВСКОЕ ВИНОГРАДАРСТВО

Одесса.

Общая площадь виноградников одесского округа, находящихся главным образом, в Приднестровских районах, равна 460.000 га. Из этого количества около 20.000 га принадлежит индивидуальным хозяйствам, около 200.000 га сельским общинам и остальная площадь находится в ведении государственных охотников едва нашла. Потом иконы перебили и выбросили, а в церкви свинарный колхозник оборудовали. Да Бог наш милостив, таперича чистят заново. Егорка, ну-ка еще вон там дерни метлой!

Мне любопытно было слушать расудительного Савелия Дмитрича и я старался узнать все подробности. — Но ведь священника-то у вас нет? — Вот то-то и оно, друг. Знамо дело — нет, — с участием заговорил мужик. — Как запретили в церковь арестовали и стало быть, поминай его, как звали!

— Ну, а кто же теперь служить будет? — полюбопытствовал я. — Служить? Служить будет счетовод Емельян из нашего колхоза, он у нас во всем передовик, — опять виновато улыбувшись, сказал Дмитрич, — он малехонько тово в церковной службе и в писании смекает. Да вот он сам как раз и идет, — и глаза Савелия оживились.

Избежавший РАСПРАВЫ

Дежурный врач внимательно выслушивает меня, минутку размышляет и затем говорит:

— Так вам, значит, надо кого-нибудь из беженцев? Хорошо. Это можно. К нам только вчера прибыло трое.

Врач ведет меня по длинному, чистому коридору. По обе стороны его расположены светлые палаты городской больницы. Открывая дверь одной из палат, он приглашает меня войти и знакомит с больным стариком, лежащим на койке, неподалеку от дверей.

— Вот, Иван Степанович, Пряжин, — говорит врач, — будьте знакомы.

Врач уходит и я остаюсь у постели больного крестьянина.

— Вы с каких мест, папаша, — задает мне первый пришедший в голову вопрос.

— Я то? — переспрашивает мужичок, — из под Новгорода. С деревни Зайцево.

— Давно здесь? — Всего второй день. — Какими же судьбами вы попали сюда?

— Это, сынок, длинная история, рассказывать долго... Началось все это еще летом, когда большевики наступать пытались. Раз ночью неожиданно нашу деревню захватили. Она-то, конечно, была в таком глухом месте, что и немцы на нее особого внимания не обращали. Вот красные то и воспользовались этим, пришли ночью и, так сказать, советскую власть восстанавливать стали.

— В чем же состояло это восстановление?

— Известное дело в чем! Первым делом, всех подозрительных арестовали.

— А откуда же у вас подозрительные, в глухой, заброшенной деревушке?

— Ну, это вам так кажется, что подозрительным неоткуда в деревню быть, а для них то все в другом свете представляется. Арестовали старосту за то, что он всевозможные хозяйственные вопросы с немецкими частями решал, посадили учителя за то, что при немцах детей учил, забрали двух моих соседей; у них, видите ли, как два немецких солдата пообедали.

— А кто же такие подробности красным рассказал?

— Свои же, местные рассказали. У нас такой Петька Семенов был, мальчишка, но пьяница и хулиган отъявленный. При немцах он, конечно, не работал, шляется по деревням и так это «милостыней» питался. Ну, а тут, как красные пришли, так он за главного активиста. В сельсовете вместе с энкаведешником за одним столом сидел, допрашивать помогал крестьян-то. Так вот переарестовали некоторых, а потом принялись и за другие дела. Известное дело, за два то года мужики кое-как скотиной своей обзавелись, инвентарь приобрели, хлеб свой заимели. Вот тут-то и пошла красные грабители по домам все отбирать. Наш мужик за время колхозов ко всему привык, но и тут не выдержал — сопротивляться стал, вот и получилось: четырех расстреляли, остальные смирились. И впрягли всех снова в колхоз.

— Ну, а народ-то как?

— А народ что? Как только покочили с колхозом, всех мужчин мобилизовали, на фронт отправили, женщин же переписали для того, чтобы эвакуировать, но не успели. Через несколько дней немцы наступление повели.

С каждым днем в деревню прибывало все больше и больше раненых и беглых. Появились и командиры всякие. Они вначале пытались снова собрать всех мужиков, раздавали винтовки и посылали против немцев. В одном из таких вот походов меня в ногу ранили. К счастью тут немцы подоспели, прогнали красных, а оставшихся мужиков вывели из этого зверниного логова. Вот так я и попал сюда.

— Ну, а как здесь?

— Здесь то, что! Нахожусь вот на излечение вместе с городскими больными. Тепло и кормят прилично. Вот только нога беспокоит, но ничего. Доктор говорит, что скоро поправлюсь, даст Бог. Надоело так, без дела лежать. А как поправлюсь, пойду к команданту. Буду делать, что прикажет. А большевикам в лапы попадать я больше не охочу. Пусть попадают такие, как Петька Семенов, для них этакое дело необходимо.

— Простите, — перебил я больного. — А что случилось с вашим Петькой Семеновым, активистом местным?

— Его убили. Послали на передовую и в тот же день ему осколок полчерепу снес.

В дверях показался дежурный врач. Тепло распрощавшись с Иваном Степановичем и пожелав ему скорейшего выздоровления, я вышел из палаты, под сильным впечатлением только что происшедшего разговора.

Б. Соколов.

В. Блюм.

Служба в „советской церкви“

Рассказ перебежчика — красноармейца

Наш батальон остановился в деревне Б., Московской области, куда должны были прибыть для пополнения бойцы из тыловых частей. Не обращая внимания на запрещение выходить из деревни, красноармейцы разбежались кто куда в поисках съестного. Разумеется, я тоже решил последовать их примеру, как вдруг мое внимание привлекли суета и крики людей у церкви; одни из стоявших там о чем-то спорили, другие в это время старательно орудовали граблями, вилами и метлами, разбрасывая навоз во все стороны.

Мужик, сидевший на большом камне и мигавший подслеповатыми глазами, приказывал:

— А ну, дерни метлой вот тут и еще вон там. — Я подошел к нему и с любопытством спросил:

— Что это у вас тут, отец, за суботник.

Он крикнул, не спеша высморкался, и, опустив глаза, как-то виновато улыбуясь:

— Служба будет сегодня. Церковь открываем. По приказу из района. Опять на верующих перестраивают, по приказу товарища Сталина. Слыхал, может?

Я кивнул головой и подсел рядом. Убедившись, что я всего лишь простой красноармеец из прибывшей в деревню части, Савелий Дмитрич, так

звали председателя колхоза, заговорил смелее:

— Коль можно, не обесудь, скажу тебе, как это оно шиворот-навыворот идет. В 1930 году церковь-то нашу закрыли, колокола снять велели. Дорого колокола те нам обошлись; треть деревни арестовали, никто не хотел снимать. Из соседней деревни охотников едва нашла. Потом иконы перебили и выбросили, а в церкви свинарный колхозник оборудовали. Да Бог наш милостив, таперича чистят заново. Егорка, ну-ка еще вон там дерни метлой!

Мне любопытно было слушать расудительного Савелия Дмитрича и я старался узнать все подробности. — Но ведь священника-то у вас нет? — Вот то-то и оно, друг. Знамо дело — нет, — с участием заговорил мужик. — Как запретили в церковь арестовали и стало быть, поминай его, как звали!

— Ну, а кто же теперь служить будет? — полюбопытствовал я.

— Служить? Служить будет счетовод Емельян из нашего колхоза, он у нас во всем передовик, — опять виновато улыбувшись, сказал Дмитрич, — он малехонько тово в церковной службе и в писании смекает. Да вот он сам как раз и идет, — и глаза Савелия оживились.

Я вошел вместе со всеми в церковь. Вместо ладана и воска, обычного запаха в церкви, в нос ударил какой-то терпкий дым.

Полы, хотя их только что старательно терли и мыли, остались какими-то коричневыми, так они были загажены.

В темноте затрепетал желтый огонек свечи, озарив единственную икону, из ниоткуда которой смотрел на нас строгий и скорбный лик Спасителя.

Вышел «священник». Толпа затихла. Облекая риза болталась на его узких плечах, как тулуп на вешалке. Ему, очевидно, было не по себе; но вот, пожевав толстыми, бритыми губами, он возгласил нараспев: «Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков!»

Кто-то дернул его за рукав и позвал в сторону. «Священник» виновато кашлянул и, крестя лоб, последовал за неизвестным. Когда он вернулся, то по дрожанию его голоса и по торопливости было видно, что он растерялся и не знал с чего начать. Развернув сложенный вчетверо листок, который ему только что вручили, он возгласил:

— Слава спасителю веры христианской, родному отцу, защитнику нашей советской родины, Иосифу Виссарионовичу Сталину, яко на земли, так и на небеса... Аминь.

От неожиданности толпа ахнула, молодые ладонями закрывали рты, а старики, испуганно крестясь, оглядывались по сторонам, как будто искали у кого-то защиты.

«Священник», как видно, старался не обращать внимания на замешательство молящихся, и продолжая «служить» перешел к... сообщению последних известий с фронта «отечественной войны», присоединив к этому внушительное «слово» о том, чтобы трудящиеся еще лучше работали, несмотря ни на голод, ни на другие жертвы «во имя спасения» православной церкви и веры Христовой от дьявольского нашествия фашистских поработителей». Окончив последние известия, «священник» запел дрожащим тенорком «Помилуй мя, Боже, помилуй мя». И на этом служба окончилась.

Пораженный таким бесстыдным надругательством большевиков над религией, я долгое время вынужден был переживать в себе самую всю тяжесть возмущения этим неслыханным кощунством. Но теперь я могу об этом поведать смело всему миру.

Это не анекдот, не вымышленный фельетон, а печальный факт, который дает достаточное представление о кощунственном отношении большевиков к религии и издевательском к русскому народу.

Б. Соколов.

БОРНС ФИЛИСТИНСКИЙ.

Константин Случевский

Один из забытых русских талантов

Нам предстоит большая работа. Работа по пересмотру всего наследия русской культуры. Антинациональная, нигилистическая, материалистическая русская критика, начиная от Белинского, Добролюбова, Писарева и Чернышевского и кончая их большевистскими продолжателями и последователями — забросала грязью или замочила ряд крупнейших литературных деятелей — даровитых публицистов, новеллистов, высоко-талантливых поэтов. Достаточно было «плыть против течения», не отдаваться на призыв либерально-нигилистического шквала, — и этот последний захлестывал смельчаков и приделал к ним страшные для того времени ярлыки — «патриотов», «черносотенцев», «ретроградов» и «попоаского отродья». Кстати сказать, все эти ярлыки сливались воедино, ибо всякий, уважающий свои национальные святыни человек, всякий патриот считался черносотенцем или мрачным ретроградом... А общество, ленивое и не любопытное («русские — не любопытны»... сокрушался еще Пушкин), не считало нужным всматриваться самостоятельно в творчество авторов, заклеивая их этими кличками. Оно полагалось всецело на имена своих вожаков, которые именовались тогда властителями дум и «носителями мировой скорби», а на поверку оказались, в лучшем случае, просто фантастами.

К числу таких жертв общественной лени и материалистически-интернациональной подлости относятся и один из крупнейших русских поэтов второй половины XIX века — Константин Константинович Случевский. Знаменательны сами даты рождения и смерти поэта. Родился в год смерти Пушкина — 7 августа 1837 года. Умер — в канун первой русской революции, в эпоху расцвета русского символизма — 7 октября 1904 года. Младший современник Алексея Толстого, Фета, Полонского, Мей, и Майкова, он был другом и учителем Сологуба, Брюсова и Бальмонта.

Сын сенатора, воспитанный в I Кадетском Корпусе в Петербурге и служивший в лейб-гвардии Семеновском полку, поэт учился далее в Академии Генерального Штаба. Военную службу он, впрочем, бросил рано

— в 1860 году, и уехал учиться за границу. Университеты Парижа, Берлина и Гейдельберга: в последнем — получение степени доктора философии. Увлечение философией немецкого идеализма, в особенности Шопенгауэром. В 1866 году возвращение на родину и гражданская служба в управлении по делам печати, министерстве государственных имуществ, министерстве внутренних дел и т. д. Умер Случевский гофмейстером и крупным сановником, членом многих великосветских и ученых обществ.

Вот и вся несложная внешняя биография поэта. А внутренняя — увлечение Платоном и Шопенгауэром, обоготворение Достоевского и вечные поиски новых форм, идеалистическое мировоззрение сразу приобращает ему друзей в лагере славянофилов, и гениальный русский критик и поэт Аполлон Григорьев пишет в 1860 году о стихах молодого Случевского: «тут размах силы таков, что из него, вследствие случайных обстоятельств, или ровно ничего не будет, или уже, если будет, то что-нибудь большое. Да-с... Это не просто высоко даровитый лирик, как Фет, Полонский, Майков, Мей... Тут сразу является поэт, настоящий поэт, не похожий ни на кого поэт, а если на кого походить, так на Лермонтова...»

Но эти же своеобразия стихов и национализм поэта, выступившего впервые в печати в 1857 году, двадцатилетним юношей, заставила народническую, так называемую «критику», начать травлю поэта. И поэта по-просту перестают печатать. Он «не потрафил» той русской общественности, которая десятилетиями гуляла всем идеалистическим и новым и жевала ту же гнусную жвачку о «бдительности» и «врагах народа», понимаемых не в национальном смысле слова, а в виде декларируемой черни. И с 1860 года по 1874 год в печати стихов Случевского не появлялось. А отдельный сборник его стихов вышел впервые лишь в 1880 году. Но успех, относительный успех, принесло поэту лишь шесть томов его собрания сочинений (из них три тома прозы) 1898 г., и высокая оценка его поэзии Владимиром Соловьевым (статья «Импрессионизм мысли» 1897 года) и русскими символистами.

Глубокая философская направленность поэзии Случевского, являющаяся во многом музыкальной параллелью «Запискам из подполья» Достоевского; восхождение многих ее элементов к высокой идеалистической лирике Баратынского и Тютчева, при полном ее своеобразии; смелое внесение прозаизмов и даже научных и канцелярских оборотов в язык «высокой поэзии», — все это делает Случевского близким к XX веку. Революция, произведенная поэтом, более значительна, чем желтые кофты футуристов и барбараминой бой формальных течений послереволюционной эпохи. Кажется совершенно невероятным, что еще в 1860 году напечатано стихотворение, явно переключившееся с Блоком и Владимиром Хлебниковым:

Ходит ветер избочась
Вдоль Невы широкой,
Снегом стелет калачи
Бабы кривоколки.

А вот стихотворение, перебрывающее мостик «Вздохи глухонемых» Тютчева:

к Владимиру Соловьеву, с его воплощением в поэзии всей глубины учения об идеях Платона:

Есть в земном творении облики незримые.

В жизни человеческой, в важные мгновенья, облики незримые влуг обозначаются...

Желание найти легкую чреду явлений, закрепить ее в музыкально-поэтическом образе, этим же образом дать почувствовать и духовную подоснову мира явлений, — вот пафос поэзии Случевского.

Как много очерков в природе? Сколько их? От темных недр земли до края небосклона. От дней гранитов и осадков меловых, До мыслей Дарвина и до его закона! Как много профилей проходит в облаках, В живой игре теней и всяких освещений, Каких нет очерков в молосках и цветах. В обликах людей, народов, поколений? А сказки слов людских? А грезы всяких свойств?

Болезней и смертей? А бред галлюцинаций? Виденья мрачные психических расстройств, Все братья младшие в груди большого брата!

А в творчестве людском? О, нет! не оглянуть всех типов созданных и тех, что народятся...

Да, многое, что не может уловить материалистический и плоский рассудок обыденности, постигается нами в одинокие страшные мгновения болезни, смерти, угасания:

И мыслей чад, и жажда снов прошедших. И одиночество... Спроси у сумасшедших, Спроси у них — они меня поймут!

Жизнь рисуется Случевскому мрачной и безнадежной пляской смерти:

Не вернуться ли нам жить? — «Ой, не хочу!» Из покойников в живые нам не лезть, — Знаем, видим — лучше смерть, как ни на есть!

И вся история человечества — народов, государств, культур и отдельных людей — та же пляска смерти:

По лику мертвого царя
Гуляют кистью богомазы,
И сурья, на шеках горя,
Румянит крупные алмазы:
Наведена улыбка губ,
Заштукатулены морщины...
А все же это — только труп
И лицевая часть картины!

Вот изумительная по силе проникновения пейзаж и его «официозствованию» картинка Мурманского побережья полярной жизни:

Какие здесь всему великие размеры!
Вот хоть бы лов классической трески!
На крепкой бечеве, верст в пять или больше мер,

Что ни аршии, навешаны крючки;
Насквозь проколота, на каждом рыбке обется...

Пять верст страданий! Это-ль не дланя? «Пять верст страданий» — так сказать мог только очень большой поэт.

И только родина, ее воздух, ее предания могут осветить мрачное одиночество слабого, смертного, страдающего человечества. Валдайским колокольчиком звенит русская песня и много старых, старых легенд звучит задушевной болью в творчестве интеллигентного, не заслуженно забытого поэта.

К. СЛУЧЕВСКИЙ.

Новгородское предание

Да, были казни над народом... Уж шесть недель горят концы! Назад в Москву свою походом Собирались царские стрельцы.

Смешить народ ошепенелъ Иван епископа послал, Чтоб, на кобыле сидя белой, Он в бубны блял и забавлял.

И новгородцы, не переча, Глядели бедною толпой, Как медный колокол с их Веча По воле царской снят долой!

Сияет колпик лес колочий, Повозку царскую везут; За нею колокол певучий На жердях гушущих несут.

Холмы и топи! Глушь лесная! И ту размыло... Как тут быт! И царь, добравшись до Валдая, Приказ дал: колокол разбить.

Разбили колокол, разбили!... Сребля валдайцы медный сор И колокольчики отдали, И отбивают до сих пор...

И, быть старинную вешая, В тиши степей, в глуши лесной, Тот колокольчик, называя, Гудит и бьется под дугой...

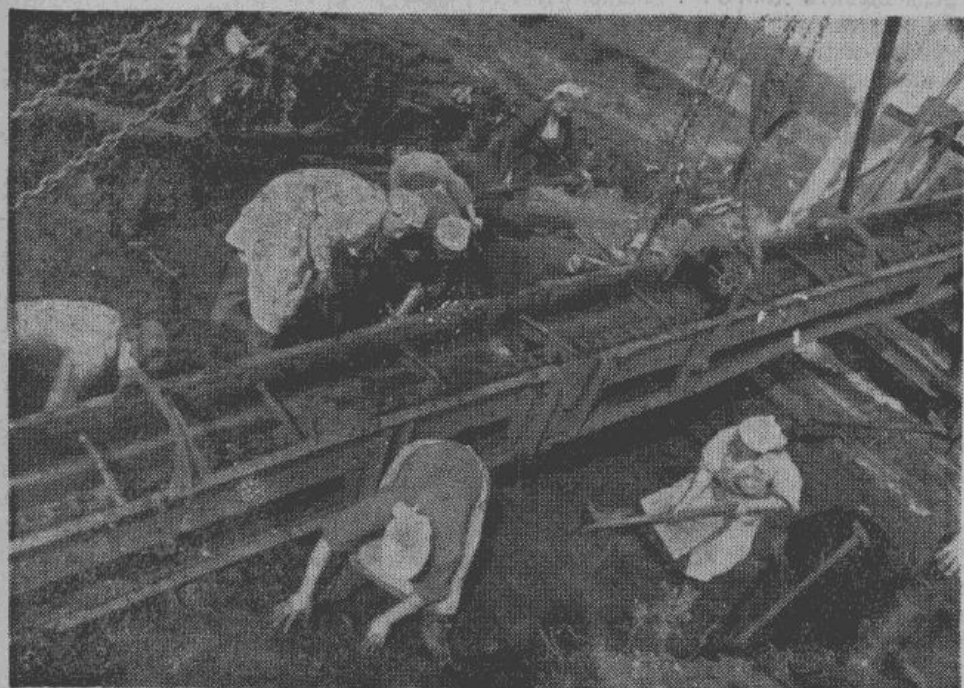
Торф в промышленности

Торф принадлежит к древнейшим видам естественного топлива. С использованием торфа для отопления римляне впервые познакомились в Германии. Однако, только в поздней-

Торф, предназначенный для промышленных целей, должен быть предварительно подвергнут механической или химической обработке. Кусковой торф механическим способом превра-

весьма пригодным для современных газогенераторных установок на автомашинах, а получаемые при его производстве отходы, как смола, подсмоляная вода и т. п. дают горючее для двигателей внутреннего сгорания, смазочное масло, фенол, вазелин и асфальт. Кроме того, одним из продуктов торфа является активированный уголь, применяемый при многих химических процессах. В результате сухой перегонки торфа получаются светильный газ, парафин, и аммиак, причем выпадающий при перегонке газ может быть использован для моторов, работающих на газе, и для получения электроэнергии.

Возможности применения торфа, встречающегося в огромных количествах в болотистых местностях, отнюдь не исчерпываются его пригодностью для промышленно-технических целей. Мшистый и волокнистый торф весьма пригоден для изготовления торфяной подстилки для скота и производства торфяной пыли. Торфяная подстилка является весьма ходким экспортным товаром. Она содержит всего 30—35 проц. воды и обладает настолько высокой способностью всасывания влаги, что может впитывать ее в количествах в одиннадцать раз превышающих собственный вес. Она находит себе широкое применение в помещениях и вагонах для скота. Кроме того, торфяная пыль является прекрасным удобрением для песчаных и легких глинистых почв. Торфяная пыль, смешанная с раствором серной кислоты, дает отличное дезинфицирующее средство. В соединении с солями, торфяная пыль представляет собою прекрасное удобрение под плодовые и другие высококачественные культуры.

Труд человека в значительной степени облегчается механическими приспособлениями.

шее время торф занял свое место в ряду других видов промышленного сырья. Недостаток в дереве и угле, возникший после первой мировой войны, повел к тому, что торф стали применять как топливо в промышленных предприятиях.

С технической точки зрения весьма важным является возникающее при сгорании торфа длинное пламя, охватывающее достаточно большую поверхность. В этом отношении торф особенно пригоден для нагревания паровых котлов и доменных печей, для обжигания глиняных изделий и кирпича, а также для применения в солезарнях и на стекловых заводах. Огромное преимущество торфа заключается в том, что при его сгорании почти совершенно не происходит выделения серных кислот, вследствие чего металлическим частям не наносится ущерба и от этого в значительной мере увеличивается срок их службы.

Торф, применяемый в качестве топлива, должен быть, по возможности, плотным, однообразным по строению и в одинаковых по величине кусках. Урезного торфа в большинстве случаев этих качеств нет. Эти свойства мы находим у полученного фабричным путем перемешанного торфа. Такой торф имеет почти две трети ценности каменного угля, тогда как резной торф только половину. Транспортные расходы при перевозке торфа, разумеется, далеко превышают расходы по перевозке каменного угля. Так, один вагон каменного угля обеспечивает перевозку 57 единиц теплоты, бурого угля — 42 единицы теплоты, а вагон торфа — только 13 единиц теплоты.

щается в пыль, весьма пригодную для топлива в промышленных предприятиях, так как ее частицы выделяют горючие газы уже при температуре в 200 гр. Торфяной кокс порист и хотя по плотности он уступает каменноугольному коксу, все же в печах промышленных предприятий вполне может быть использован взамен древесного угля. Поскольку он в то же

Просохший торф на специальных вагонах отвозится к дорогам, для погрузки на автомашины.

время беден золой и содержит незначительное количество серы и фосфора, торфяной кокс может отчасти заменять и в металлургии древесный уголь. Способность торфяного угля быстро вступать в реакцию делает его

Торфяная пыль успешно применяется как консервировочный и упаковочный материал для фруктов, луковичных цветов, яиц, масла и т. д., кроме того, торфяную пыль, пропитанную карболовой кислотой, идо-

То там, то здесь на торфоразработках виднеются новейшие машины, значительно облегчающие добычу торфа.

формом или сублиматом, употребляются как перевязочные средства при лечении животных. Являясь плохим проводником тепла, торфяная пыль служит механическим предохранительным средством в холодильниках или при устройстве перекрытий на судах при обшивке паровых труб. Затем, благодаря ее звукопроницаемости, торфяную пыль употребляют как изолирующий материал на судах,

в банках и т. д.; в соединении же с цементом, торфяная пыль дает легкий строительный материал. Из торфа изготавливают бумагу и текстильные товары.

Этим еще далеко не исчерпываются возможности использования доступного, дешевого и полезного ископаемого, которое во время войны играет огромную роль, а после войны будет играть едва ли не большую.

БОРИС ФИЛИСТИНСКИЙ

Зимние мелодии

Хвост по ветру раздвигает
Пляшет весело дуга.
Сено дровни устилают,
Снег дорожку закрывает.
Светлый облак закрывает
Злого месяца рога.

Небо серое звездится,
Горизонта розов каят.
Галка, истовая птица,

На седой сосне гнездится.
Тебя прыгают на лицах,
И дрожит твой стройный стан.

А глубокий снег искрится.
Конский храп грубит поход,
Радость детская мне снится.
Ветер пухнет, свищет, зябнет,
Путь-дорога вдали змеится,
И манит твой алый рот.

* * *

Убегающие в горизонт снега,
Бледно-серое нахмуренное небо,
Занесенная большой реки дуга
И собак заливающая злая треба.
Кляча тянет наши дровни не спеша.
Негде праздному остановиться взору,

И ленивая рассейская душа
Заснеженным упивается простором,
Лишь порой в седой наспуленной дали
Виден грязный остов выжженного дома,
И опять снегов просторы оголяя,
В нищих дровнях жалко охает содома.

Уголок натуралиста

Забастовка слонов

Некий бомбейский предприниматель г-н Махби, имел 10 слонов, с которыми он обделывал весьма выгодные дела.

Бомбей — крупнейший порт Индии. Ежедневно десятки пароходов выгружают здесь машины, нефть, текстиль и забирают тюки лучшего индийского хлопка. Десятки тысяч грузчиков работают в порту ежедневно.

Но помимо людей бомбейские предприниматели используют в роли грузчиков обыкновенных индийских слонов. Слоны поднимают шутя по 2 тюка хлопка, каждый из которых человек еле может сдвинуть с места; спокойно поднимаются они с тюками по трапу парохода, не спеша скидывают их в трюм и возвращаются за следующей поклажей.

При этом замечательна четкость всей работающей партии. Обыкновенно один слон, вожак, играет роль надсмотрщика. Он не участвует в погрузке, но наблюдает за ходом работы со стороны: лишь когда нужно поторопить которогонибудь из замечавшихся, или плывущих подчиненных, раздается его трубный глас.

Для предпринимателей годстокожие грузчики удобны еще и тем, что они не требуют зарплата, не предъявляют претензий на лучшее питание, не бунтуют, не восстают — с ними спокойно. Однако прошлым летом в Бомбее произошел следующий случай, облетевший мировую печать.

Слоны г-на Махби были известны в Бомбее, они грузили и выгружали пароходы. Ежедневно по сигналу они начинали и кончали работу и к вечеру, не торопясь, мирно похрапывая, возвращались домой, в отгороженную бревенчатой перегородкой лужайку. Здесь же рядом проживал в небольшом «бунало» их хозяин.

Жизнь текла мирно. Одно обстоятель-

ство, однако, сильно беспокоило хозяина. Эти бесстыжие слоны слишком много ели.

Урожай прошлого года был неудачный, травы все погорели, цены на корм резко возросли. Между тем слон поедает ежедневно около 5 пудов корму. Г-н Махби уменьшил порцию своим грузчикам наполовину.

На утро слоны отправились на работу как обычно. Но когда на второй день повторилась та же история — слоны не вышли на работу. Они тихо стояли в стойлах и хлопали ушами. Хозяин начал было кричать на них, но по косому взгляду маленьких глаз вожака, он поднял, что ему лучше уйти по добру — по здоровью.

Слоны могли, придя в ярость, разломать в щепы его дом и самого растоптать, как мышонка. Махби решил выждать. Слоны тоже. Началась подлинная забастовка.

Между тем пароходные компании требовали уплаты неустойки за простоя пароходов. Тогда Махби с проклятиями отсыпал причитающуюся порцию пищи и со страхом ожидал результатов.

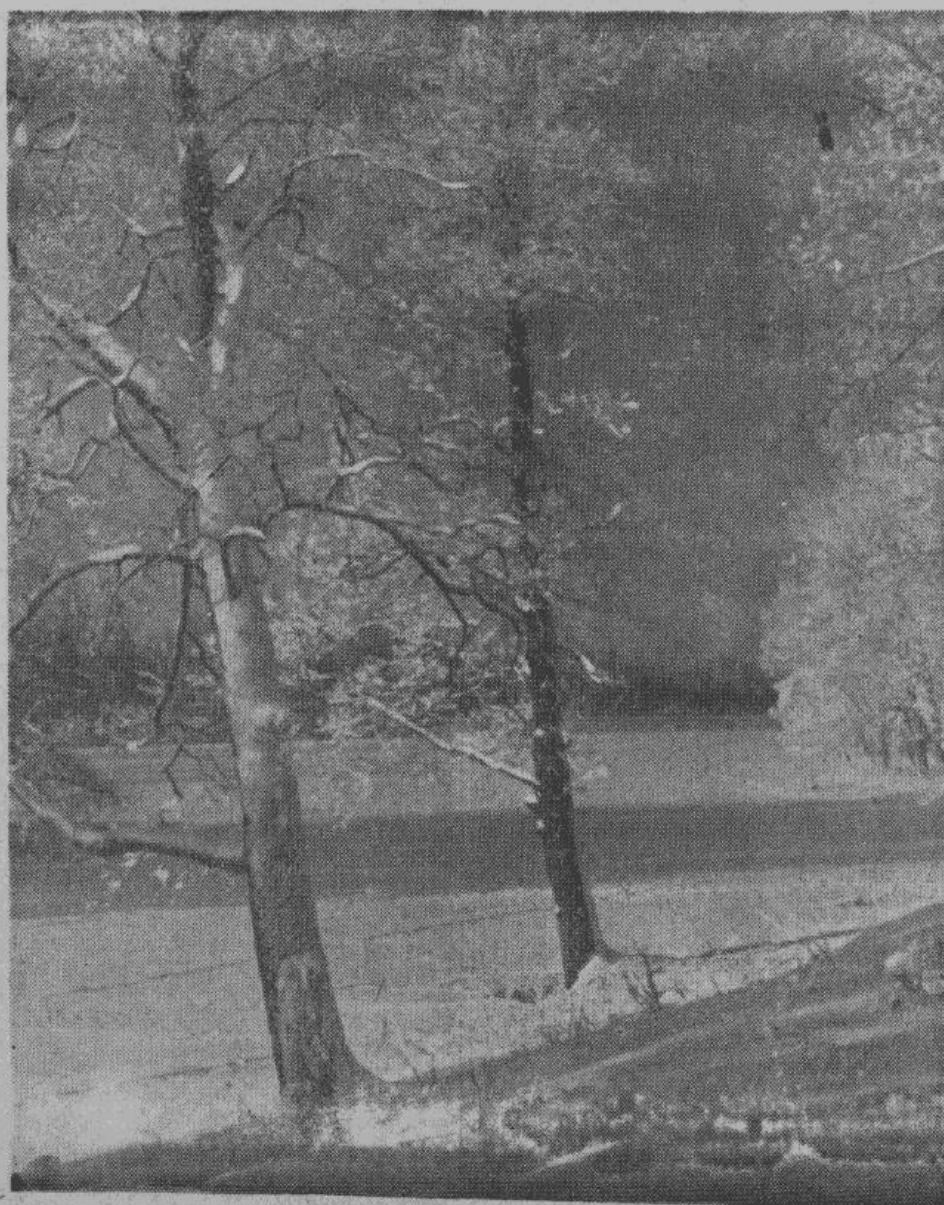
На следующий день слоны спокойно поднялись в обычное время и отправились в порт на работу.

Забастовка была ими выиграна. Знаменитый зоолог Брэм указывал, что ни одному животному не свойственно чувство справедливости в столь сильной степени, как слону.

О собаке

Интересно, что и собака имеет свой ум и на основании его заключения делает соответствующий, весьма логический и рациональный вывод — решение.

Так, если она преследует зайца и на своем пути встречает три заячьих следа, она обнюхивает только два из них и если случается, что заяц по ним не пошел, бежит по третьему следу, не нюхая его. Собака становится совершенно ясно, что заяц не мог пропасть, если он не пошел по двум, то должен был пойти по третьему следу.

Тайна слов

Ахиллесова пята

Ахиллес был сыном Пелея и Гетии моря Фетиды. Желая сделать сына неуязвимым, Фетидя окунала его в воды подземной реки Стикса. Единственным уязвимым местом Ахиллеса осталась пятка, за которую мать, окуная, держала его.

С тех пор, если у человека есть какое-нибудь одно уязвимое место, его называют «ахиллесовой пяткой».

Дамоклов меч

Дамокл, любимец Сиракузского титана Дионисия, считал его счастливейшим из людей.

— Хочешь ли ты испытать на себе мое счастье? Дамокл с величайшей охотой согласился. Дионисий пригласил его во дворец и усадил на роскошное золотое ложе. Дамокл был в восторге. Но вдруг он увидел над своей головой острый меч, висевший на одном конском волосе.

Меч был повешен по приказанию Дионисия. Когда испуганный Дамокл попросил позволения удалиться с ложа, Дионисий сказал:

— Теперь ты испытал фортуна тирана: как этот меч над твоей головой, так над моей жизнью всегда висит опасность, от которой я дрожу день и ночь.

«Дамоклов меч» — символ постоянной опасности.

Третий рубикон

Рубикон — река в Италии, отделяющая Галлию от Фламинии. Через эту реку перешел с войском Юлий Цезарь, невзирая на запрещение римского сената. При этом Юлий Цезарь воскликнул: «Жребий брошен». Переход Цезарем Рубикона явился началом гражданской войны в Риме.

Отсюда «перейти Рубикон» — выражение, означающее решительное действие.

Н. Волков